

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ), АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ

10 мая

Одним из видных деятелей Русской Церкви 20-х годов был архиепископ Верейский Иларион, выдающийся богослов и талантливейший человек. Вся его жизнь была горением величайшей любви к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за нее.

Его труды отличаются строго церковным направлением, неустанной борьбой со схоластикой и специфическим латинством, влиявшим на наше богословие со времен митрополита Петра Могилы. Его идеал — это церковность духовной школы и богословской науки. Его постоянное напоминание: вне Церкви нет спасения, вне Церкви нет таинств.

Архиепископ Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий) родился 13 сентября 1886 года в семье священника с. Липицы Каширского уезда Тульской губернии.

С самого раннего детства в нем пробудилось стремление к учению. Будучи пятилетним отроком, он взял своего трехлетнего брата за руку и пошел вместе с ним из родной деревни в Москву учиться. И когда братишка от усталости заплакал, то Владимир сказал ему: «Ну и оставайся неученым». Родители вовремя спохватились, заметив исчезновение детей, и быстро возвратили их под кров своего дома. Владимир вскоре был отдан в Духовное училище, а затем в Духовную семинарию. По окончании полного курса семинарии он поступает в Московскую Духовную академию и блестяще заканчивает ее в 1910 году со степенью кандидата богословия. Его оставляют при академии профессорским стипендиатом.

Следует отметить, что Владимир во всех школах, начиная с Духовного училища и кончая Духовной академией, учился превосходно. По всем предметам он всегда имел отличные оценки.

В 1913 году Владимир получает ученую степень магистра богословия за свой фундаментальный труд «Очерки из истории догмата о Церкви».

Сердце его горит горячим желанием служить Богу в иноческом чине. 28 марта в скиту Параклит Троице-Сергиевой лавры он принимает монашество с именем Илариона (в честь преподобномученика Илариона Нового, память 28 марта), а примерно через два месяца, 2 июня, рукополагается во иеромонаха. 5 июля того же года отец Иларион был возведен в сан архимандрита.

30 мая 1913 года иеромонах Иларион был назначен инспектором Московской Духовной академии. В декабре 1913 года архимандрита Илариона утверждают в звании экстраординарного профессора по Священному Писанию Нового Завета.

Архимандрит Иларион приобретает большой авторитет и как воспитатель учащихся Духовной школы, и как профессор-богослов, и как знаменитый церковный проповедник.

Один за другим выходят его богословско-догматические труды, обогащающие церковную науку. Его проповеди звучат с амвонов церкви, словно колокол, призывая народ Божий к вере и нравственному обновлению.

И когда остро назрел вопрос о восстановлении патриаршества, он, как член Поместного Собора 1917–1918 годов, вдохновенно выступил на Соборе в защиту патриаршества. «Никогда, — говорил архимандрит Иларион, — Русская Церковь не была без первоиерарха. Наше патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время ли патриархов было особенно много у нас Соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас патриаршество. Кому же? Вот передо мною два великих друга, две красы XVII века — патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Чтобы поссорить друзей, злые бояре нашептывают царю: «...Из-за патриарха тебя, государь, не видно стало». И Никон, когда ушел с московского престола, между прочим, писал: «..Пусть ему, государю, без меня просторнее будет». Эту мысль Никона и воплотил Петр, уничтожив патриаршество. «Пусть мне, государю, без патриарха просторнее будет»...

Но церковное сознание, как в 34-м апостольском правиле, так и на Московском Соборе 1917 года, говорит неизменно одно: «...Епископам всякого народа, в том числе и русского, подобает знати перваго из них и признавати его яко главу».

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против патриаршества. Отцы и братие! Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (См. Деян. 5, 39)! Мы и так уже согрешили, согрешили тем, что не восстановили патриаршество два месяца назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место?.. А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев Московских и первопрестольников Российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первосвятительская кафедра?»

После прихода к власти большевики сразу же начали гонение на Церковь, и уже в марте 1919 года архимандрит Иларион был арестован. Первое тюремное заключение продолжалось три месяца.

11/24 мая 1920 года архимандрит Иларион был наречен, а на следующий день, 12/25 мая, хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии.

Его современники рисуют его портрет светлыми красками. Он молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник-оратор и певец, блестящий полемист, всегда естественный, искренний, открытый. Физически очень сильный, высокого роста, с широкой грудью, имел пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он был любимцем народа. Как проповедника и оратора его ставили наравне с Луначарским и Александром Введенским, и даже выше их. Епископ Иларион пользовался большим авторитетом среди духовенства и своих собратий-епископов, называвших его за ум и твердость в вере «великим».

Епископское служение его было крестным путем. Не прошло и двух лет со дня его хиротонии, как он оказался в ссылке в Архангельске. Целый год епископ Иларион был в стороне от церковной жизни. Свою деятельность он продолжил по возвращении из ссылки. Святейший Патриарх Тихон приблизил его к себе и вместе с архиепископом Серафимом (Александровым) сделал своим ближайшим советником и единомышленником.

Сразу же после возвращения из ссылки Патриарх возводит епископа Илариона в сан архиепископа. Церковная деятельность его расширяется. Он ведет серьезные переговоры с Тучковым (уполномоченным ОГПУ по церковным делам) о необходимости устроить жизнь Русской Православной Церкви в условиях Советского государства на

основе канонического права, занимается восстановлением церковной организации, составляет ряд патриарших посланий.

Для обновленцев он становится грозой, в их глазах он не отделим от Святейшего Патриарха Тихона. 22июня/5 июля 1923 года владыка Иларион совершает всенощное бдение под праздник Владимирской иконы Божией Матери в Сретенском монастыре, захваченном обновленцами. Владыка изгоняет обновленцев и великим чином, заново освятив собор, присоединяет монастырь к Церкви. На следующий день в обители служит Святейший Патриарх Тихон. Богослужение длится целый день и заканчивается лишь в шесть часов вечера. Святитель Тихон назначает владыку Илариона настоятелем Сретенского монастыря. В своих посланиях лидер обновленчества, митрополит Антонин (Грановский), с невыразимой злобой обрушивает свои удары и на Патриарха и на архиепископа Илариона, бесцеремонно обвиняя их в контрреволюции. «Тихон с Иларионом, — писал он, — вырабатывали «благодатно»-удушливые газы против революции, и революция ополчилась не только на тихоновских церковников, но и на всю церковь, как на скопище заговорщиков. Иларион ходит и кропит храмы после обновленцев. Он наглостью входит в эти храмы... Тихон с Иларионом — подсудимые перед революцией, досадители Церкви Божией и в свое извинение не могут представить никаких добрых дел» («Известия», 23 сентября 1923).

Архиепископ Иларион ясно понимал преступность обновленцев и вел горячие диспуты в Москве с Александром Введенским. Последнего, как выразился сам архиепископ Иларион, на этих диспутах он «прижимал к стенке» и разоблачал все его хитрости и ложь.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ), АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ

Автор: Admin

07.05.2018 18:07 - Обновлено 13.05.2018 16:46

Обновленческие заправилы чувствовали, что архиепископ Иларион мешает им, и потому употребили все усилия, чтобы лишить его свободы.

В декабре 1923 года архиепископ Иларион был приговорен к трем годам заключения. Этапом он был доставлен в Кемский лагерь, а затем на Соловки.

Когда архиепископ увидел весь ужас барачной обстановки и лагерную пищу, то сказал: «Отсюда живыми мы не выйдем».

Архиепископ Иларион вступил на крестный путь, завершившийся блаженной его кончиной.

Крестный путь архиепископа Илариона представляет для нас очень большой интерес, ибо в нем проявилось все величие духа мученика за Христа, и поэтому позволим себе более подробно остановиться на этом моменте его жизни.

Находясь на Соловках, архиепископ Иларион сохранил в себе все те добрые качества души, которые он приобрел посредством подвигов и до монашества, и в монашестве, и в священстве. Те кто в это время находились вместе с ним, являлись свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости. Он просто отдавал все, что имел, что у него просили.

Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послушник был у него и на Соловках. Архиепископа Илариона можно было оскорбить, но он на это никогда не отвечал и даже мог не заметить сделанной попытки. Он всегда был весел, и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро старался прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрел духовными очами, и все служило ему на пользу духа.

«На Филимоновой рыболовной тоне, — рассказывал очевидец, — в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря, мы с архиепископом Иларионом и еще двумя епископами и несколькими священниками (все заключенные) были сетевязальщиками и рыбаками. Об этой нашей работе архиепископ Иларион любил говорить переложением слов стихир на Троицын день: «Вся подает Дух Святы и: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбаки показа». Так смирялся его дух с новым положением.

Благодушие его простиралось на самую советскую власть, и на нее он мог смотреть незлобивыми очами.

Как-то привезли на Соловки молодого иеромонаха из Казани, которому дали три года ссылки за то, что он снял с диакона-обновленца орарь и не позволил ему служить с собой. Архиепископ одобрял иеромонаха и шутил по поводу разных сроков заключения, данных тем или иным лицам независимо от тяжести их «преступлений». «Любочестив бо сый Владыка,— говорил архиепископ Иларион пасхальными словами Иоанна Златоуста,— приемлет последнего якоже и перваго; упокоевает в единонадесятый час пришедшаго, якоже делавшаго от перваго часа. И дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает и предложение хвалит». Слова эти звучали иронически, но давали чувство мира и заставляли принимать испытание как от руки Божией.

Владыку Илариона очень веселила мысль, что Соловки есть школа добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия. Однажды обокрали прибывшую партию духовенства, и отцы сильно огорчились. Один из заключенных в шутку сказал им, что так их обучают нестяжанию. Владыка от этой шутки был в восторге. У одного ссыльного два раза подряд пропадали сапоги, и он разгуливал по лагерю в рваных галошах. Архиепископ Иларион, глядя на него, приходил в подлинное веселье, чем и вселял в заключенных благодущие. Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самой популярной личностью в лагере, среди всех его слоев. Мы не говорим, что генерал, офицер, студент и профессор знали его, разговаривали с ним, находили его или он их, при всем том, что епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знала «шпана», уголовщина, преступный мир воров и бандитов именно как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли урывками, или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким «экземпляр» из этой среды. Это не было снисхождением к младшему брату и погибшему, нет. Владыка разговаривал с каждым как с равным, интересуясь, например, «профессией», любимым делом каждого. «Шпана» очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера владыки была всепобеждающей. Он, как друг, облагораживал их своим присутствием и вниманием. Наблюдения же его в этой среде, когда он делился ими, были исключительного интереса.

Он доступен всем, он такой же, как все, с ним легко всем быть, встречаться и разговаривать. Самая обыкновенная, простая, несвятая внешность — вот что был сам владыка. Но за этой заурядной формой веселости и светскости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство, не говоря уже об умственном, сопряженном с силой и ясностью убеждения. Этот вид обыкновенной греховности, юродство, личина светскости скрывали от людей внутреннее делание и спасали его самого от лицемерия и тщеславия. Он был заклятый враг лицемерия и всякого «вида благочестия», совершенно сознательный и прямой. В «артели Троицкого» (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показать строгость своего быта не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

Каждого приезжающего священника владыка подробно расспрашивал обо всем, что предшествовало заключению. Привезли однажды в Соловки одного игумена. Архиепископ спрашивает его: — За что же вас арестовали? — Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, — отвечает отец игумен, — ну, собирался народ, и даже бывали исцеления... — Ах, вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков? — Три года. — Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть недосмотрела...

Само собой понятно, что говорить об исцелениях по своим молитвам было более чем нескромно.

В середине лета 1925 года с Соловков архиепископа Илариона отправили в Ярославскую тюрьму. Здесь обстановка была иная, чем на Соловках. В тюрьме он пользовался особыми льготами, ему дозволили получать книги духовного содержания. Пользуясь данными льготами, архиепископ Иларион прочитывает много святоотеческой литературы, делает выписки, из которых получается много толстых тетрадей святоотеческих наставлений. Эти тетради он имел возможность после тюремной цензуры передавать своим друзьям на хранение. Святитель тайком посещал тюремного надзирателя, доброго человека, и вел у него собрание подпольной рукописной религиозной, советской литературы и копий всяких церковно-административных документов и переписки архиереев.

В это же самое время архиепископ Иларион мужественно перенес и ряд неприятностей. Когда он находился в Ярославской тюрьме, в лоне Русской Церкви возник григорианский раскол. Тогда-то, как к популярному архиерею, и явился к нему агент ГПУ и стал склонять его присоединиться к новому расколу. «Вас Москва любит,— заявил представитель ГПУ, — вас Москва ждет». Архиепископ Иларион остался непреклонен. Он уразумел замысел ГПУ и мужественно отверг сладость свободы, предлагаемой за измену. Агент удивился его мужеству и сказал: «Приятно с умным человеком поговорить. — И тут же добавил: — А сколько вы имеете срока на Соловках? Три года?! Для Илариона три года?! Так мало?» Неудивительно, что после этого архиепископу Илариону было добавлено еще три года. И добавлено «за разглашение государственных тайн», то есть разглашение разговора его с агентом в Ярославской тюрьме.

Весной 1926 года архиепископ Иларион был снова возвращен на Соловки. Крестный путь его продолжался. Григорианцы не оставили его в покое. Они не теряли надежды

на то, что им удастся склонить на свою сторону такого авторитетного иерарха, каким был архиепископ Иларион, и закрепить его переходом свои позиции.

В начале июня 1927 года, едва началась навигация на Белом море, архиепископ Иларион был привезен в Москву для переговоров с архиепископом Григорием. Последний в присутствии светских лиц настойчиво упрашивал архиепископа Илариона «набраться мужества» и возглавить все более терявший значение григорианский «высший церковный совет». Архиепископ Иларион категорически отказался, объяснив, что дело высшего церковного совета несправедливое и пропавшее, задуманное людьми, не сведущими ни в церковной жизни, ни в церковных канонах, и что это дело обречено на провал. При этом архиепископ Иларион братски увещевал архиепископа Григория оставить ненужные и вредные для Церкви замыслы.

Подобные встречи повторялись несколько раз. Владыку Илариона и умоляли, и обещали ему полную свободу действий, и белый клубок, но он твердо держался своих убеждений. Был слух, что однажды он сказал своему собеседнику: «Хотя я и архипастырь, но вспыльчивый человек, очень прошу вас уйти, ведь я могу потерять власть над собой».

«Я скорее сгнюю в тюрьме, а своему направлению не изменю», — говорил он в свое время епископу Гервасию.

Такой позиции в отношении григорианцев он держался до конца своей жизни.

В смутное время, когда после обновленческого раскола проникли разногласия и в среду ссыльных архиереев на Соловках, архиепископ Иларион явился настоящим миротворцем среди них. Он сумел на основе Православия объединить их между собой. Архиепископ Иларион был в числе епископов, выработавших в 1926 году церковную декларацию, определяющую положение Православной Церкви в новых исторических условиях. Она сыграла огромную роль в борьбе с возникшими тогда разделениями.

В ноябре 1927 года некоторые из соловецких епископов начали было колебаться в связи с иосифлянским расколом. Архиепископ Иларион сумел собрать до пятнадцати епископов в келии архимандрита Феофана, где все единодушно постановили сохранять верность Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Сергием.

«Никакого раскола! — возгласил архиепископ Иларион. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это, как на провокацию!»

28 июня 1928 года владыка Иларион писал своим близким, что до крайней степени не сочувствует всем отделившимся и считает их дело неосновательным, вздорным и крайне вредным. Такое отделение он считал «церковным преступлением». по условиям текущего момента весьма тяжким. «Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и его Синода, что бы превосходило меру снисхождения и терпения»,— заявляет он. А в письме от 12 августа 1928 года развивает свою мысль: «Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали. Он, мол, отступник. И как пишут, будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащат». При этом он делает заключение, что митрополиту Иосифу ничего не докажешь, «хоть лбом об стенку бейся», что он, как допустивший грех отделения по злобе, останется до конца жизни при своих взглядах.

Много трудов положил архиепископ Иларион и для того, чтобы переубедить епископа Виктора (Островидова) Глазовского, близкого по направлению к иосифлянам.

«Говорить с ним не приведи Бог,— писал владыка в письме от 28 июня 1928 года, — Ничего слушать не хочет и себя одного за правого почитает».

Несмотря на эту характеристику архиепископ Иларион добился того, что епископ Виктор не только сознал свою неправоту, но и написал своей пастве, увещевая ее прекратить разделение.

Интересно отметить, что архиепископ Иларион безбоязненно укорял агента ГПУ за нелепый союз власти с обновленцами. И в то же время он подавал ему мысль, что не лучше ли заключить союз с Православной Церковью и поддержать ее: это позволит настоящей и авторитетной Церкви признать власть Советов.

Хотя и не все было известно архиепископу Илариону о тогдашней церковной жизни, но тем не менее он не был равнодушным зрителем тех или иных церковных нестроений и бедствий, обрушившихся на православный народ. К нему обращались за советом и спрашивали, что нужно делать, чтобы в новых условиях политической жизни достигнуть умиротворения Церкви. Вопрос был очень сложный. И на него архиепископ Иларион дал весьма глубокий и проанализированный ответ, основанный на православных канонах и церковной практике.

Вот что написал он вопрошавшим в своем письме от 10 декабря 1927 года: «Последние два года с лишком я не участвую в церковной жизни, имею о ней лишь отрывочные и, возможно, неточные сведения. Поэтому для меня затруднительно суждение о частностях и подробностях этой жизни, но, думаю, общая линия церковной жизни и ее недостатки, и ее болезни мне известны. Главный недостаток, который чувствовался еще и раньше, это отсутствие в нашей Церкви Соборов с 1917 года, т. е. в то самое время, когда они особенно были нужны, так как Русская Церковь не без воли Божией вступила в совершенно новые исторические условия, условия необычные, значительно отличающиеся от ранних условий. Церковная практика, включая и постановления Собора 1917–1918 годов, к этим новым условиям не приспособлена. так как она образовалась в иных исторических условиях. Положение значительно осложнилось со смерти Святейшего Патриарха Тихона. Вопрос о местоблюстителе, насколько мне известно, тоже сильно запутан, церковное управление в полном расстройстве. Не знаю, есть ли среди нашей иерархии и вообще среди сознательных членов Церкви такие наивные и близорукие люди, которые имели бы нелепые иллюзии о реставрации и свержении советской власти и т. п., но думаю, что все, желающие блага Церкви, сознают необходимость Русской Церкви устроиваться в новых исторических условиях. Следовательно, нужен Собор, и прежде всего нужно просить государственную власть разрешить созвать Собор. Но кто-то должен собрать Собор, сделать для него необходимые приготовления, словом, довести Церковь до Собора. Поэтому нужен теперь же, до Собора, церковный орган. К организации и деятельности этого органа у меня ряд требований, которые у меня, думаю, общие со всеми, кто хочет церковного устроения, а не расстройства мира и не нового смятения. Некоторые из этих требований я и укажу.

Временный церковный орган не должен быть в своем начале самовольным, т. е. должен при своем начале иметь согласие Местоблюстителя.

2. По возможности во временный церковный орган должны войти те, кому поручено Местоблюстителем митр. Петром (Полянским) или Святейшим Патриархом.

3. Временный церковный орган должен объединять, а не разделять епископат, он не судья и не каратель несогласных — таковым будет Собор.

4. Временный церковный орган свою задачу должен мыслить скромной и практической — создание Собора.

Последние два пункта требуют особого пояснения. Над иерархией и церковными людьми витает отвратительный призрак ВЦУ 1922 года. Церковные люди стали подозрительными. Временный церковный орган должен как огня бояться хотя бы малейшего сходства своей деятельностью с преступной деятельностью ВЦУ. Иначе получится только новое смятение. ВЦУ начинало со лжи и обмана. У нас все должно быть основано на правде. ВЦУ, орган совершенно самозванный, объявил себя верховным вершителем судеб Русской Церкви, для которого не обязательны церковные законы и вообще все Божеские и человеческие законы. Наш церковный орган — только временный, с одной определенной задачей — созвать Собор. ВЦУ занялось гонением на всех, ему не подчиняющихся, т. е. на всех порядочных людей из иерархии и из других церковных деятелей, и, грозя направо и налево казнями, обещая милость покорным, ВЦУ вызвало нарекания на власть, нарекания едва ли желательные для самой власти. Эта отвратительная сторона преступной деятельности ВЦУ и его преемника, так называемого Синода, с его соборами 1923–1925 годов, заслужила им достойное презрение, доставив много горя и страданий неповинным людям, принесла только зло и имела своим следствием только то, что часть иерархии и несознательных церковных людей отстала от Церкви и составила раскольническое общество. Ничего подобного, до самого малейшего намека, не должно быть в действиях временного церковного органа. Эту мысль я особенно подчеркиваю, потому что здесь именно вижу величайшую опасность. Наш церковный орган должен только созвать Собор. Относительно этого Собора обязательны следующие требования.

5. Временный церковный орган должен собрать, а не подбирать Собор, как то сделано печальной памяти ВЦУ в 1923 году. Собор подобранный не будет иметь никакого авторитета и принесет не успокоение, а только новое смятение в Церкви. Едва ли есть нужда увеличить в истории количество разбойничьих соборов, довольно и трех: Ефесского 449 года и двух московских 1923–1925 годов. Самому же будущему Собору мое первое пожелание то, чтобы он мог доказать свою полную непричастность и несолидарность со всякими политически неблагонадежными направлениями, рассеять тот туман бессовестной и смрадной клеветы, которым окутана Русская Церковь преступными стараниями злых деятелей (обновления). Лишь только настоящий Собор может быть авторитетным и сможет внести успокоение в церковную жизнь, дать покой измученным сердцам церковных людей. Я верю, что на Соборе обнаружится понимание всей важности ответственного церковного момента, и он устроит церковную жизнь соответственно новым условиям».

Только при соборности Церкви, как мыслил и утверждал архиепископ Иларион, произойдет умиротворение церковное и утвердится нормальная деятельность Русской Православной Церкви в новых условиях Советского государства.

Крестный путь его подходил к завершению. В декабре 1929 года архиепископа Илариона направили на поселение в Среднюю Азию, в город Алма-Ату, сроком на три года. Этапом он добирался от одной тюрьмы до другой. По дороге его обокрали, и в Ленинград он прибыл в рубище, кишасшем паразитами, и уже больным. Из ленинградской тюремной больницы, куда его поместили, он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, в дороге; в субботу, 28 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу».

В больнице ему заявили, что его надо обрить, на что Преосвященный ответил: «Делайте теперь со мной, что хотите». В бреду он говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет».

Ангел смерти стоял уже у главы страдальца. За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал и что он может поправиться. Архиепископ Иларион едва слышно прошептал: «Как хорошо! Теперь мы далеки от...» И с этими словами исповедник Христов скончался. Это было 15/28 декабря.

Митрополит Серафим Чичагов, занимавший тогда Ленинградскую кафедру, добился разрешения взять тело для погребения. В больницу поставили белое архиерейское облачение и белую митру. Покойного облачили и перевезли в церковь ленинградского Новодевичьего монастыря. Владыка страшно изменился. В гробу лежал жалкий, весь обритый, седой старичок. Одна из родственниц покойного, увидевшая его в гробу, упала в обморок. Так он был непохож на прежнего Илариона.

Похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря, недалеко от могил родственников архиепископа, а впоследствии Патриарха Алексия.

Кроме митрополита Серафима и архиепископа Алексия в погребении участвовали епископ Амвросий (Либин) Лужский, епископ Сергей (Зенкевич) Лодейнопольский и еще три архиерея.

Так отошел в вечность этот богатырь духом и телом, чудесной души человек, наделенный от Господа выдающимися богословскими дарованиями, жизнь свою положивший за Церковь. Его смерть явилась величайшей утратой для Русской Православной Церкви.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ), АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ

Автор: Admin

07.05.2018 18:07 - Обновлено 13.05.2018 16:46

Вечная тебе память, достоблаженный святителю Иларионе!

<https://days.pravoslavie.ru>